

— Рогатку, что можно использовать под водой? — переспросили третий дядя Чжун и Тан Дациян почти одновременно, оба на миг опешили, но вскоре третий дядя Чжун опомнился, выпрямился и, догадавшись, сказал:

— Ты, выходит, хочешь использовать её для подводной охоты на рыбу?

Тан Дациян тоже заинтересовался:

— А как ты собираешься её сделать? Обычная рогатка в воде ведь не сработает — далеко не выстрелит, а как только попадёт под течение, всё, стрелу унесёт.

В представлении большинства людей рогатка — это то, чем в горах стреляют по птицам: подходящая рогулька, звериная жила или тугая верёвка — натягиваешь, вставляешь камешек и пускаешь с руки. Те, кто руку набил, и летящую птицу сбивают. Но тот же принцип в воде уже не работает — слишком плотная среда.

Чжун Мин же всё прекрасно понимал. В прежней жизни он в армейском лагере делал подобное устройство — использовал и для подводной рыбалки, и для охоты на варваров в холодных озёрных водах. Даже зарабатывал на этом боевые заслуги. Сейчас дело лишь за тем, чтобы воспроизвести конструкцию из подручных материалов.

— Только часть с натянутой жилой будет похожа, остальное я собираюсь сделать вот так...

Он взял в руки бамбук и стал наглядно показывать дядям, как устроено: по его замыслу, в обеих сторонах бамбуковой трубки нужно будет проделать отверстия, закрепить в них звериное сухожилие при помощи железных крючков, а внутри спрятать длинный железный штырь — с одного конца он соединён с сухожилием.

Перед использованием сухожилие нужно будет оттянуть в обратную сторону и надёжно закрепить — как только отпускаешь, жила с силой распрямляется, тянет за собой железный штырь, который вылетает вперёд, со свистом пронзая воду. Если хватит силы и скорости, то он с лёгкостью пробьёт водную толщу.

Двое взрослых мужчин быстро уловили суть, и третий дядя Чжун одобрительно кивнул:

— Вот это вещь! Если у тебя и вправду выйдет её сделать, да ещё и руку набьёшь, чтобы точно целиться под водой — да ты тогда любую рыбу с первого раза сразишь. А железный штырь ведь тонкий, даже если попадёт, след на рыбе будет маленький, товарный вид не испортит.

Он вздохнул:

— Только вот штука эта в чужих руках всё равно не заиграет. Тебе, может, и под силу нырнуть, найти рыбу и ещё выстрелить — а мы? Мы, только в воду войдём, ещё и рыбу не увидим, уже из

последних сил воздух держим, какое уж там стрелять...

Выходит, из всего, что нужно для такой подводной рогатки, только звериная жила и будет по-настоящему труднодоступной.

Когда он был в армии, Чжун Мин использовал жилу оленя — на севере в горах оленей водилось много, солдаты нередко группами ходили в леса на охоту. Охотились не только на оленей, но и на волков — зимой, когда добычи становилось меньше, волчьи стаи спускались с гор и нападали на деревни. Жила волка тоже прекрасно годилась. Раньше, когда Чжун Мин за военные заслуги дослужился до звания цунци, у старшего байху, что командовал стрелками, был гарпун, сделанный как раз из волчьей жилы.

Но в Байшуйао хорошее звериное сухожилие было достать невероятно трудно — ни снаряжения для охоты, ни привычки к такому промыслу у здешних не было. Неужели ради этого нужно было снаряжаться в горы и покупать весь комплект охотничьего обмундирования?

Однако, если на горе не найти, может, поискать в море?

Чжун Мин вспомнил: у его шестого дяди-гуна хранилось сухожилие акулы — добытое ещё в молодости, когда тот в море столкнулся с акулой. У людей воды выжить после нападения акулы считалось подвигом, о котором можно всю жизнь слагать былины, ведь чаще всего всё заканчивалось смертью и обглоданными костями.

Тогда, много лет назад, несколько братьев, включая самого дедушку Чжун Мина, всем скопом нырнули и зарезали акулу. Плавники и мясо пошли на продажу — выручку поделили между собой, а поскольку шестой дядя-гун старался больше всех, по уговору оставил себе в качестве трофея и памяти то самое акулье сухожилие.

С тех пор он хранил его как величайшую драгоценность, и никто из младшего поколения даже в руки его не брал — видели только издалека. Историю про «тот самый бой с акулой» Чжун Мин слышал столько раз, что уши вяли. Поговаривали даже, что как-то купец издалека хотел выкупить сухожилие за несколько десятков лян серебра — но шестой дядя-гун отказал, сказал, будет передавать по наследству.

Третий дядя Чжун, по-видимому, тоже вспомнил эту историю. Побеседовав с Тан Дацяном, он вдруг резко обернулся, увидел, что Чжун Мин замер и вовсе не режет бамбук, а его взгляд блуждает по сторонам, и тут же насторожился:

— Ты, парень, только не вздумай тоже пойти охотиться на акулу ради сухожилия! Это ведь с жизнью игра, понял?!

Чжун Мин откашлялся, слегка смущённый. Он ведь не зря получил второй шанс — разве станет теперь ради какой-то рыбы безрассудно рисковать жизнью? Акулье хвостовое сухожилие дорого ценится лишь потому, что его сложно добыть, но разве в море мало других

крупных рыб? Чьё сухожилие не подойдёт? Ведь как олень не хуже волчьего, так и среди рыбы выбор есть.

— Третий дядя, не беспокойся, — буркнул он. — Я ведь ещё не женился, как же можно говорить, будто уже пожил в досталь. Мне теперь только и осталось, что за акулами гоняться от нечего делать?

Действительно, оправдание про «ещё не женат» всегда действовало безотказно — стоило только сказать, третий дядя Чжун и Тан Дацянь тут же сменили тон, начали хвалить, что парень наконец образумился, стал рассудительным, и рассказали, что произошло с Фэн Бао после ареста.

— Из деревни сразу несколько мужиков с ним отправились, — рассказывал третий дядя Чжун. — Боялись, что по дороге сбежит. Народу много, так что шли на большой лодке из дома старосты. Этот Фэн Бао давно всех достал, разве такого староста усмирит? Едва добрались, так сразу ему в суде тридцать палок отвесили! Кровь текла ручьём, говорят. Потом из семьи Фэн пришли родственники и унесли его на носилках.

Тан Дацянь только качал головой и цокал языком:

— Слышал я, что в ямене этими палками и убить могут.

Чжун Мин, выслушав всё, поинтересовался:

— А старуха Ма с ними пошла?

Третий дядя Чжун кивнул:

— Как же без неё! Видел бы ты, как она упрячилась — если б ей лодку не дали, она б, наверное, и вплавь поплыла! Вот уж непутёвая баба, избаловала Фэн Бао. Сама ж теперь и расхлёбывает. Эх, знала бы, чем всё кончится, так может и не начинала бы.

Чжун Мин усмехнулся:

— Она хоть всё хозяйство продаст, но чиновников задобрит, чтобы били полегче.

Он знал, как эти вещи делаются, и говорил с тем спокойствием, каким делаются проверенными знаниями:

— У яменных палачей тоже умения разные — бывает, глядишь, кожа цела, а внутри всё размозжено, и наоборот — на вид вся спина в крови, а на деле только кожа задета, пару недель покоя — и как новенький. Всё зависит от того, сколько заплатишь.

Из его уст такие слова звучали особенно веско. Не было никого, кто бы усомнился. В любом случае, в деревне теперь стало спокойнее — одним воришкой меньше, и больше не надо жить с оглядкой. Это уже хорошо.

Третий дядя Чжун хлопнул племянника по плечу, довольный:

— У тебя теперь в деревне имя совсем другое стало. Все будут помнить, что это благодаря тебе.

Он говорил с улыбкой, искренне радуясь переменам. Племянник прежде был непутёвым, дурную славу имел, ни одна порядочная семья не хотела свататься. А теперь видно — поумнел, остепенился, не за горами и свадебный пир. Вот настанет день, обязательно пойдёт к брату с невесткой на могилу, зажжёт благовония, и всё-всё им расскажет.

Чжун Мин сдержанно улыбнулся, не стал ничего комментировать. Если бы глава деревни изначально не покрывал Фэн Бао, то за его кражу тридцать палок слишком мало. Чем больше он думал, тем сильнее чувствовал — этот мерзавец легко отделался.

Что до того, как деревенские теперь его хвалят — пустое это. Люди говорят, как ветер подует: сегодня восток, завтра запад. До тех пор, пока Су И не сказал своего слова, кто вообще верил, что он избил Фэн Бао по справедливости?

Проводив третьего дядю, Чжун Мин вернулся на свою лодку, где продолжил обтачивать бамбуковую трубку. Крючки для фиксации тетивы можно взять от рыболовных снастей — готовые. А вот длинный железный стержень придётся заказывать у деревенского кузнеца, и заодно попросить выковать съёмные наконечники — чтобы можно было менять под размер добычи.

Когда человек сосредоточен на деле, время летит незаметно. Чжун Мин довёл трубку до ума, а обструганные стружки смахнул в море. Солнце уже клонилось к закату.

Сегодня море отступило несильно, и каждая семья торопилась выйти к берегу с вёдрами — ловить морскую живность. Есть было некогда, всё ради улова.

— А-Мин, идёшь на отлив?

— Я тут немного приберусь, потом с малышом догоню.

— Ну тогда мы не ждём!

На деревянном мостке стояла Чжун Чунься, и, обернувшись, крикнула через плечо.

Чжун Мин откликнулся на зов и повернулся обратно в каюту лодки. Он аккуратно уложил

отшлифованную бамбуковую трубку, затем достал для Чжун Ханя пару сушёных креветок и кусочек вяленого кальмара, чтобы тот немного утолил голод. Мальчик, не теряя времени, вновь вытащил свой маленький плетёный короб, в который тут же бережно уложил Додо.

Сам Чжун Мин, тоже откусив креветку, начал собирать железные грабли и сетку.

— Поужинаем не сразу. Сначала что-нибудь свеженькое наберём, потом приготовим, — сказал он.

— Хорошо! Я пока и не голоден, — с готовностью согласился Чжун Хань.

Для таких малышей, как он, поход на отлив — это не столько промысел, сколько веселье. Никто из взрослых всерьёз не ждал, что дети принесут с собой приличный улов — достаточно было, чтобы они мирно ковырялись в песке и не мешали взрослым. Да и сам Чжун Хань затаил небольшую хитрость: ведь после ужина его заставляли пить лекарство, так что если с ужином потянуть, то и горькие снадобья можно отложить.

Перед самым выходом Чжун Мин немного помедлил, но всё-таки решил взять с собой те две свёрнутые в бумагу порции сладостей и отдельно отобранные пилюли. Если повезёт и он встретит на берегу Су И, то сможет, наконец, вручить всё это лично. А если снова не повезёт и встречи не случится, они, конечно, не испортятся, но каждый раз, замечая эти пакеты, он чувствовал укол неловкости.

Два брата пришли на берег, где уже собралась большая часть жителей деревни Байшуйао: кто-то копал песок у кромки воды, кто-то разбрасывал сеть в мелководье. Тан Дацян уже успел получить первую удачу — стоя на скале, он сачком выловил большого осьминога и теперь сиял от радости.

— Поймаем ещё парочку! Одного вечером под закуску, остальных на завтра, а там и продадим!

На пляже семьи были разбросаны кто где. Чжун Мин по дороге повстречал по очереди третьего и четвертого дядю с их семьями, поздоровался с каждым.

Летним днём светло долго, до наступления темноты оставался ещё почти час. Чжун Мин вместе с младшим братом обошёл несколько кругов, заметив нору в песке, сразу вонзал лопатку — попадались то морская улитка-пупок, то двустворчатый моллюск, а то и рак-богомол.

Чжун Хань босиком весело шлёпал по воде, а у него за спиной Додо высунул голову из корзины и вертел ею то вправо, то влево. Чжун Мин поднял с берега стебель морской капусты и поднёс к его носу понюхать — и не успел он глазом моргнуть, как кот дёрнул носом, раскрыл пасть и попытался укусить.

— Вот так штука, — удивлённо пробормотал Чжун Мин. — Этот кот, выходит, траву ест?

Он только и успел, что вытаращиться, как Додо проглотил стебель морской травы, а Чжун Хань подал ему второй — тот тоже пошёл на ура, и оба брата развеселились, поражённые этой диковиной. Додо слопал три стебля подряд, а четвёртый ни в какую не стал: отвернул голову и с деловым видом уставился вдаль, на море и суетящихся у берега людей.

— Мам, смотри! Рак-богомол писает! — закричал чей-то малыш, пробегая мимо с этим самым раком в руке. Существо неожиданно выпустило из себя тонкую прозрачную струйку воды.

— Кто тебе разрешил его брать? — всполошилась мать, бросилась отнимать добычу. — Осторожно, поранишься!

Она поспешно выхватила рака-богомла из рук — у него на теле острые шипы, стоит зазеваться, и на пальце уже кровоточащая ранка. Ребёнок с досады надул губы, вот-вот расплачется, но тут отец ловко сунул ему под нос раковину морской улитки-пупка.

— Давай вот с этим поиграем, гляди, он тоже может «писать».

Морская улитка-пупок пряталась в песке, панцирь у нее был с мягким жемчужным отливом. Когда ее вытащили ее наружу, она оказалась внушительных размеров, а как только надавили, вся вода изнутри вышла, и мясо сразу уменьшилось.

Чжун Хань, подражая взрослым, тоже взял одну и стал нажимать — брызги во все стороны, а он заливается смехом.

Кроме улиток-пупков здесь водились и маленькие ароматные улитки — такие были вкуснее. Чжун Мин с младшим братом шли, пригнувшись, и вскоре насобирали изрядную горсть этих маленьких улиток, а ещё волосатых моллюсков и цветочных моллюсков. Если добавить всё это к рисовой лапше, выйдет отличный обед.

Пока моллюски выпускали песок в ведре с водой, Чжун Мин раскрывал раковины, доставал мясо и кормил кота. Додо ловко перехватывал кусок, уносил в корзину и там с аппетитом поедал.

В этот момент младший брат потянул его за одежду.

— Старший брат...

Чжун Хань, вытянув шею, смотрел в одну сторону и сказал:

— Глянь, вон тот человек... это не брат Су И?

Чжун Мин, в отличие от прочих, не зарабатывал на жизнь только сбором морских даров, поэтому с младшим братом занимался этим больше ради забавы. Остановившись, он только теперь заметил, что зашли они уже довольно далеко. Казалось, вокруг никого не должно быть, и вдруг, не только кто-то оказался поблизости, но это как раз был тот человек, которого он и собирался найти. Он и сам не заметил, как на сердце у него сразу стало легче, и на лице появилась улыбка.

— Похоже на него.

Он провёл рукой по голове котёнка, высунувшегося из корзины:

— Пробеги-ка немного вперёд, пусть брат Су И посмотрит, как хорошо ты вырастил кота — он наверняка тебя похвалит.

<http://bllate.org/book/13583/1204997>